

В КИНОКРИТИКЕ принято так: если фильм хороший, значит, режиссеру и актерам удалось преодолеть недостатки сценария, если фильм плохой, значит, не удалось. Режиссер почти никогда не бывает виноват, актеры — вообще никогда. Но в неудаче того фильма, с которого началась кинематографическая карьера Анатолия Кузнецова («Гость с Кубани»), виноват был действительно сценарист, написавший плохой сценарий по собственному плохому рассказу. Если Кузнецов еще в ученические годы (он кончал Школу-студию МХАТ имени Вл. И. Немировича-Данченко) мелькнул на экране в фильме «Опасные тропы», то сценарист являлся в полном смысле слова дебютантом, что, впрочем, ничуть его не извиняет. Этим сценаристом был я, и с тех давних пор началась наша дружба с Анатолием Кузнецовым.

Странные бывают неудачи. Мой скверный сценарий ставился дважды. В первый раз постановка не была завершена, провалившийся режиссер с горя уехал куда-то кого-то консультировать... Во второй раз уже другим режиссером фильм был осуществлен, и на экран уверенно шагнул юный, обаятельный, с лукавой усмешкой и веселой песней Анатолий Кузнецов, без которого теперь и представить трудно наш кинематограф. Более того, в картине по-настоящему раскрылся незаурядный комедийный талант Тамары Носовой, наконец-то получившей достаточно экранного времени, чтобы заявить о себе во весь голос. Конечно, я в этом неповинен. Одаренный режиссер А. Фролов помог раскрыться на ubogom материале двум ярким актерским индивидуальностям. И зрители сразу откликнулись: фильм «Гость с Кубани» более года не сходил с экрана, даря меня отнюдь не сладостным ощущением медленной казни. Картина была о комбайнерах. Смирнов-Сокольский говорил: «Хороший фильм, только вот солома в глаз попала». Там много молотили. Затем он заинтересованно спрашивал: «А что за чудесный паренек в главной роли? Почему не знаю?» Он узнал и все узнали очень скоро.

Почти одновременно с «Гостем с Кубани» А. Кузнецов снялся в роли влюбленного милиционера в картине «За витриной универмага». Молодой, весь какой-то светлый, белозубый, с веселым глазом, он приглянулся режиссерам и сразу стал нарасхват. Как из рога изобилия посыпались: «Путешествие в молодость», «К Черному морю», «Случай на шахте 8», «На дорогах войны», «Повесть о молодоженах», «Ждите писем» — я называю далеко не все картины, где за пять лет снялся Анатолий Кузнецов.

То была «поисковая» пора его жизни. Он искал себя, искал свой ведущий образ. Поначалу ясно было лишь одно: он должен играть своих современников, ровесников, вглядываться в те глаза, которые одновременно с его собственными увидели мир. Он мог быть рабочим, шофером, инженером, врачом, летчиком — не в этом дело, хотя Кузнецов всегда давал точные подробности профессионального поведения. Важно другое: за единственным исключением (военный кинооператор Сушков) его герой принадлежал сегодняшнему дню, сегодняшним заботам, простой, рядовой и загадочный гражданин того мира, что за окнами.

Пульс современности бился в каждой его роли. А роли бывали разные, хотя отчетливо обнаруживалась опасная тяга режиссеров превратить его в показного героя. На это указывала сама фактура артиста: стройная, легкая фигура, светлые волосы, лукавый глаз, кипень зубов. Внешность экономила режиссерское время и энергию, не нужно доказывать, почему такого парня любят, почему по нем тоскуют, вздыхают, почему за ним идут. Кузнецова страшило застыть в плакатной пошлости, и он брался за роли, вроде бы чуждые его душевной структуре. Так возникли шофер Ленка («Ждите писем»), Павел («Утренние поезды») и, наконец, Жан Петриченко («Бабье царство») — улыбчивые, обаятельные эгоисты, накопители, с купцами, бескрылыми устремлениями. Впрочем,

ВСТРЕЧИ С «ГОСПОЖОЙ УДАЧЕЙ»

Юрий Нагибин

и они не одинаковы: в Павле проглядывает возможность большого искреннего чувства, и Ленка не безнадёжен, а вот Жан так закоснел в собственничестве, что едва ли поднимется.

Но уже тогда А. Кузнецов сыграл две роли, которые определили его столбовой путь в кинематографии. Я имею в виду Владимира Сушкова («На дорогах войны») и пионервожатого Сергея Руденко в популярном фильме «Друг мой, Колька!». Остановлюсь чуть подробнее на первом, поскольку он меньше известен, к тому же тут произошла моя вторая рабочая встреча с А. Кузнецовым.

Прообраз военного кинооператора Владимира Сушкова — Володя Сушинский, мой вживовский товарищ. Во время войны мы встретились на Волховском фронте так, как будто были близкими друзьями.

Так нередко случалось на войне: люди больше стояли друг для друга, чем в рассеянной мирной жизни. Продолжения наша дружба не имела: Володя Сушинский погиб. А потом сняли фильм, где Володя играл мой новый друг Анатолий Кузнецов. Фильм не задался режиссеру, ему, пользуясь привычным оборотом, не удалось преодолеть недостатки сценария, одним из авторов которого был он сам: бесконфликтность, отсутствие драматического стержня. В картине не получились судьбы: Сушинский — Сушков — Кузнецов все время куда-то шел — чисто физически, не оставался неподвижен душевно. Были удачные эпизоды, где он вел себя хорошо и правильно, но не было объединяющей мысли, логики действия, движения к какой-то цели. И тогда призванный на выручку опытный М. Калатозов предложил подпереть фильм телостом-размытием о судьбе героя. В архитектуре это соответствует контрфорсам — внешним подпоркам высоких готических зданий. Поставить эти контрфорсы предложили мне.

А. Кузнецов совсем не похож внешне на Сушинского, никогда его не видел, но в силу той магии, которой обладает настоящее искусство, к концу фильма я верил в экранного Володю больше, чем в сохраненного моей памятью. От Сушинского — Сушкова пошли многочисленные войны Анатолия Кузнецова.

Пионервожатый Сергей Руденко оказался лучшим среди хороших «штатских» парней, сыгранных А. Кузне-

цовым. С фильмом «Друг мой, Колька!» к артисту пришла слава. Казалось, он окончательно обрел себя и теперь ему остается одно: не отдаляться от столь удачно найденного и единодушно принятого зрителями образа. В ближайшие годы так и шло (исключение — Павел из «Утренних поездов»), и вдруг резкий, крутой поворот прочь от столбовой дороги: Жан Петриченко из «Бабьего царства».

Судьба Анатолия Кузнецова кажется неправдоподобно благополучной, хотя у него случались и менее удачно сыгранные роли. Он всегда держал свой уровень, что редко удается актерам. Он никогда не брался за роли, вовсе безразличные, чуждые ему. Он всегда верил и верит тому, что делает на экране. А верить можно и хорошему, и дурному. Он поверил в Жана Петриченко — человека по-своему яркого, хотя глубоко испорченного, — и не побоялся расстаться с привычным, неизменно дарящим успех образом. В этом — художническая смелость и ответственность перед своим талантом, возможности которого необходимо узнать даже с риском провала.

Так мы в третий раз (надеюсь, не в последний) встретились с Анатолием Кузнецовым в общем киноделе. Теперь мне посчастливилось предложить ему нечто более доброкачественное, нежели «Гость с Кубани». Никогда еще не приходилось А. Кузнецову так, до конца, отказываться от всего, к чему он приучил зрителей, что стало неотделимо от его экранного образа, пробиваясь, как свет сквозь чащу, даже в отрицательных персонажах. Война обычно выпрямляла людей гнутых, но Жана, хапугу, стяжателя, морального браконьера, лишь утвердила в том дурном, что он носил в себе. Что ж, и такое бывало. А. Кузнецов с беспощадной правдой, изнутри подвел Жана к его черному, непростительному греху перед женщиной. Образ получился тем интереснее и страшнее, что, осененный врожденным обаянием А. Кузнецова, Жан до своего последнего падения, если не вызывал симпатий зрителей, то заставлял почти любоваться своей циничной живописностью. Тем страшнее волчий оскал в конце.

И такое оказалось по плечу Анатолию Кузнецову. Но, проверив себя, артист решительно пренебрег новыми возможностями, открывшимися перед его талантом. Похоже, только теперь он по-настоящему уверовал в органичность и неотвратимость

уже сделанного ранее выбора: играть людей хороших, верных, с твердым нравственным устоем в душе. Он слишком добрый человек, чтобы притворяться злым, и даже успех не окупит насилия над своей сутью. Он решительно отклонил все предложения играть духовных родителей Жана и уверенно двинулся к своей величайшей удаче — сказочному и эпическому солдату Сухову.

Да, немало дорог исходили в кино солдатские сапоги Анатолия Кузнецова, когда он оказался в башмаках и обмотках, в выгоревшей гимнастерке и красноармейской фуражке блином посреди песчаной пустыни. И брел он, демобилизованный воин революции, в далекую русскую деревушку к своей разлюбленной и драгоценной Катерине Матвеевне. Но... шел солдат с фронта и попал на фронт: дали ему боевое задание — проводить в безопасное место ханский гарем, захваченный кавалерийским отрядом в погоне за бандитской шайкой Черного Абдулы. О том, как выполняет Сухов необычайное поручение, рассказывает замечательный и всем известный фильм «Белое солнце пустыни». Его называли в печати и комедийным, и приключенческим. Я не согласен ни с тем, ни с другим жанровым определением. Когда я смотрел эту «комедию», мне куда чаще хотелось плакать, чем смеяться. Причем не только из жалости к милому растрапистому Петрухе, убитому бандитами, или к богатырю Верещагину, гибнущему в последнем сражении, а в умилении перед дивной русской душой Федора Сухова. В приключенческом фильме характеры подчинены событиям, их задача обеспечить напряженное, захватывающее действие. Здесь же действие, вся событийная ткань в подчинении у бывшего, мудрого, неторопливого и быстрого, как молния, коли надо, спокойного, бесстрашного и душевного солдата Сухова. Следить за переливами его характера куда интереснее, чем за фабульными поворотами. А ведь тут есть еще Верещагин, Саид, Петруха, Гюльчатай.

Этот фильм, как сама жизнь, содержит в себе все: и смешное, и трогательное, и доброе, и жестокое, и житейское, и героическое, и прелесть нелепое, как песенка о «Госпоже удаче». Возносит фильм и делает его явлением незаурядным удивительный народный образ Федора Сухова, сыгранный Анатолием Кузнецовым так, что ни прибавить, ни убавить; образ совершенен, что нечасто бывает в искусстве.

Сухов окончательно утвердил А. Кузнецова в его преданности образу солдата. Это вовсе не обязательно рядовой — с годами Кузнецов повышается в чинах: начав с гладкого погона, он дослужился до генеральского, но всегда он играет человека, своими руками делающего войну и победу. Направление творческой работы Кузнецова — упорный поиск все новых и новых аспектов любимого образа.

«Белое солнце пустыни» показало Анатолия Кузнецова в полный рост. Обаяние его таланта в чудной легкости, естественности, мы никогда не ощущаем натуры лицедейства, он просто живет на экране и втягивает нас в свою жизнь, в свою заботу, радость, боль. Даже как-то неловко говорить, что Кузнецов «хорошо играет». Разве это игра? Нет, продолжение жизни сердца. А сердце артиста отдано советскому воину. Самоограничение требует от талантливого человека едва ли не больше мужества, чем отважные броски в неведомое. Конечно, было бы уже не целомудрием, а ограниченностью, если б Кузнецов наложил для себя запрет на все роли, кроме солдатских. Иногда надо перевести дух. Вот и недавно он искрометно сыграл незабвенного гоголевского судью Ляпкина-Тяпкина. Но это перекур. А так он по-солдатски верен своей солдатской судьбе.

Он трудолюбив, упорно и воодушевленно ведет свою борозду. Он забирает все глубже и глубже, переваливает через лемех все новые пласты, и зритель платит ему благодарностью за преданность вечному образу солдата-освободителя.

Фото Б. Величина.